

НАС НИКОГДА ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО

Пьеса

Автор - Шаяхмет Турыспек

1934 год, конец октября. Поселение для ссыльных в Архангельской области. В этой истории всего два героя – Ахмет Байтурсынов, великий казахский просветитель и ученый, к этому моменту уже 5 лет проведенный в лагере, и Екатерина Пешкова, правозащитница, глава "Политического Красного Креста", официальная жена М. Горького. В течение своей короткой встречи эти два немолодых человека подводят итоги прошлого, а, точнее, складывают сумму всего того, что они потеряли.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АХМЕТ БАЙТУРСЫНОВ - пожилой, высокий, грузный мужчина с усами и в очках

ЕКАТЕРИНА ПЕШКОВА - немолодая, но стройная женщина небольшого роста

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ:

КОМЕНДАНТ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ - зритель слышит только его грубый голос и видит его тень из сеней

БАБА ЛЕНА, ХОЗЯЙКА ИЗБЫ - зритель слышит только ее хриплый, всегда недовольный голос сверху печки, где она спит и греется.

ИЗБА. КОМНАТА АХМЕТА БАЙТУРСЫНОВА - НОЧЬ

ИЗБА. БРЕВЕНЧАТЫЕ СТЕНЫ, ПЕЧЬ В УГЛУ, МАЛЕНЬКОЕ ЗАНАВЕШЕННОЕ ОКНО. У ОКНА - КРОВАТЬ, В КОТОРОЙ ЛЕЖИТ УКРЫТЫЙ РВАНЫМ ПОКРЫВАЛОМ АХМЕТ БАЙТУРСЫНОВ, СПИНОЙ К ЗРИТЕЛЮ. ИЗ ОКОШКА СВЕТИТ ТУСКЛЫЙ ГОЛУБОЙ СВЕТ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ. СЛЫШЕН ЗВУК ПРОНИЗЫВАЮЩЕГО МОРОЗНОГО ВЕТРА. ДВЕРЬ В СЕНИ ОТКРЫВАЕТСЯ ОТ СИЛЬНОГО ПОРЫВА ВЕТРА, И В КОМНАТУ ВРЫВАЕТСЯ СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ. СО СТОЛА УЛЕТАЮТ НЕСКОЛЬКО ИСПИСАННЫХ ЛИСТОВ. ДВЕРЬ ХЛОПАЕТ И СКРИПИТ, ХОДЯ ТУДА-СЮДА. АХМЕТ МЕДЛЕННО САДИТСЯ НА КРОВАТИ, ЗАКУТАВШИСЬ В ПОКРЫВАЛО. ВСТАЕТ, БЕРЕТ СО СТОЛА ОЧКИ, ПОТОМ САДИТСЯ НА КОРТОЧКИ И ПОДБИРАЕТ ЛИСТКИ. НЕ ВСТАВАЯ С ПОЛА, ОН КЛАДЕТ ЛИСТКИ НА СТОЛ, ПОТОМ ПОДНИМАЕТСЯ. В КРУЖКЕ НА СТОЛЕ ОН КАРАНДАШОМ РАЗБИВАЕТ СВЕРХУ ВОДЫ ЛЕД. ОТПИВАЕТ И СТАВИТ КРУЖКУ НА ЛИСТКИ. ИДЕТ К ПЕЧИ - ОГНЯ ДАВНО НЕТ, У ПЕЧКИ ЛЕЖИТ ПАРА ДРОВ. ОН БЕРЕТ ОДНО ПОЛЕНО. ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ.

БАЙТУРСЫНОВ: Баба Лена... Баба Лена... Печь бы затопить... Потухла давно. Баба Лена!

СВЕРХУ ПЕЧИ РАЗДАЕТСЯ КРЯХТЕНИЕ, КАШЕЛЬ, А ПОТОМ ДОНОСИТСЯ ГОЛОС ХОЗЯЙКИ:

БАБА ЛЕНА: Тепло еще... Спи, дорогой... Дверь прикрой - будет тебе тепло. Все

жалуешься и жалуешься, жалуешься и жалуешься... Спи.

АХМЕТ РОНЯЕТ ПОЛЕНО, ИДЕТ К ДВЕРИ И КРЕПКО ЗАКРЫВАЕТ ЕЕ. ИДЕТ К КРОВАТИ И САДИТСЯ НА НЕЕ. СМОТРИТ В ОКНО. ПОДБИРАЕТ ЕЩЕ ОДИН ЛИСТОК С ПОЛА. ЗА СЦЕНОЙ ЗВУЧИТ ЕГО ГОЛОС:

БАЙТУРСЫНОВ: На белоснежном ложе и пушистом,

Усни, малыш, без лишней суеты.

И вьется вихрь, и снег всюду кружится,

Надев на крыши белую постель.

Баю-баюшки-баю,

Усни, мой милый, в тишине,

Метель уйдет, снега растают,

И ты забудешься во сне.

ОН КОМКАЕТ ЛИСТОК. С УЛИЦЫ ДОНОСИТСЯ ЗВУК МАШИНЫ, ЧЬИ ФАРЫ НА МИГ ОСВЕЩАЮТ ДОМ СКВОЗЬ ОКОШКО. МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ, СЛЫШНО, КАК ХЛОПАЮТ ЕЕ ДВЕРЦЫ. ДВЕРЬ РАСПАХИВАЕТСЯ, И НА НЕЙ ВОЗНИКАЕТ ОГРОМНАЯ ТЕНЬ ЧЕЛОВЕКА (КОМЕНДАНТ). ЗВУЧИТ ГОЛОС КОМЕНДАНТА ИЗ СЕНЕЙ:

КОМЕНДАНТ: Байтурсынов, встать!

БАЙТУРСЫНОВ ВСТАЕТ. СТОИТ СМІРНО, РУКИ ВЫТЯНУВ ВНИЗ И ОПУСТИВ ГОЛОВУ.

БАЙТУРСЫНОВ: Осужденный Байтурсынов Ахмет, готов трудом искупить свою вину!

ГОЛОС КОМЕНДАНТА ЗВУЧИТ УЖЕ МЯГЧЕ:

КОМЕНДАНТ: К тебе гости, Байтурсынов... Добился своего.

БОЛЬШАЯ ТЕНЬ КОМЕНДАНТА УМЕНЬШАЕТСЯ И ИСЧЕЗАЕТ, СЛЫШНЫ УДАЛЯЮЩИЕСЯ ШАГИ. И ОСТАЕТСЯ МАЛЕНЬКАЯ ТЕНЬ НЕВЫСОКОЙ ФИГУРЫ НА ДВЕРИ, КОТОРАЯ ДО ЭТОГО СКРЫВАЛАСЬ ПОД ТЕНЬЮ КОМЕНДАНТА. ПО ТЕНИ ВИДНО, КАК ЧЕЛОВЕК СНИМАЕТ ЧТО-ТО

ВРОДЕ ТУЛУПА, И СТАНОВИТСЯ ЯСНО, ЧТО ЭТО ЖЕНЩИНА, ДОСТАТОЧНО СТРОЙНАЯ. ЖЕНЩИНА ПОЯВЛЯЕТСЯ В ДВЕРЯХ - НА НЕЙ КОЖАНАЯ КУРТКА И КОЖАНЫЙ ЛЕТНЫЙ ШЛЕМ, НА ПЛЕЧЕ - БРЕЗЕНТОВЫЙ РЮКЗАК, А В РУКАХ - ТУЛУП И САКВОЯЖ. ЭТО И ЕСТЬ ЕКАТЕРИНА ПЕШКОВА, ГЛАВА "ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА". ОНА ЗАКРЫВАЕТ ЗА СОБОЙ ДВЕРЬ, ВЕШАЕТ ТУЛУП С ШЛЕМОМ НА КРЮЧОК, СТАВИТ У ДВЕРИ САКВОЯЖ И РЮКЗАК, ПОДХОДИТ К АХМЕТУ. СМОТРИТ ЕМУ В ГЛАЗА. ПОТОМ САДИТСЯ НА КОРТОЧКИ И ПОДБИРАЕТ КОМОК БУМАГИ, РАЗВОРАЧИВАЕТ ЕГО. ПЫТАЕТСЯ ЧИТАТЬ, НО СВЕТА МАЛО. ЕКАТЕРИНА ИДЕТ И САДИТСЯ НА СТУЛ У СТОЛА, ПОДНОСИТ ЛИСТОК К СВЕТУ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ ИЗ ОКНА, ПЫТАЯСЬ ЧИТАТЬ. ПОТОМ ОНА БЕРЕТ КЕРОСИНОВУЮ ЛАМПУ, ТРЯСЕТ ЕЕ. АХМЕТ НЕУВЕРЕННО ПОДНИМАЕТ РУКУ, БУДТО ЖЕЛЯ ЧТО-ТО СКАЗАТЬ.

ПЕШКОВА: Керосина нет?

АХМЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНО МОТАЕТ ГОЛОВОЙ.

ПЕШКОВА: Вы садитесь, товарищ Байтурсынов.

АХМЕТ САДИТСЯ НА КРОВАТИ. ЕКАТЕРИНА ВЫТАСКИВАЕТ ИЗ КАРМАНА КОРОБКУ ПАПИРОС И СПИЧКИ, ЗАКУРИВАЕТ.

ПЕШКОВА: А где хозяйка?

С ПЕЧИ ДОНОСИТСЯ КАШЕЛЬ И КРЯХТЕНЬЕ. ЕКАТЕРИНА СМОТРИТ ТУДА, КУРИТ.

ПЕШКОВА: Понятно. Закурите?

АХМЕТ МОЛЧИТ. ПЕШКОВА ПРОТЯГИВАЕТ ЕМУ КОРОБКУ С ПАПИРОСАМИ И СПИЧКИ. АХМЕТ ПРИВСТАЕТ И БЕРЕТ КУРЕВО. ДРОЖАЩИМИ РУКАМИ ВЫТАСКИВАЕТ ПАПИРОСУ ИЗ КОРОБКИ, ЗАКУРИВАЕТ. КЛАДЕТ КОРОБКУ И СПИЧКИ НА СТОЛ, СНОВА САДИТСЯ НА КРОВАТЬ. ПЕШКОВА ВСТАЕТ И РЕШИТЕЛЬНО ПОДХОДИТ К ПЕЧИ.

ПЕШКОВА: Елена Викторовна! Елена Викторовна! Ее ведь так зовут?

ОНА ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К АХМЕТУ, ОН КИВАЕТ

ГОЛОВОЙ. ПЕШКОВА КОМАНДНЫМ ГОЛОСОМ
СНОВА ОБРАЩАЕТСЯ К ХОЗЯЙКЕ:

ПЕШКОВА: Дайте керосину, Елена Викторовна!

ПОСЛЕ КАШЛЯ И КРЯХТЕНЬЯ РАЗДАЕТСЯ ГОЛОС
БАБЫ ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА: Керосину мало, милочка, дров нет, голодаем... Да и светло сейчас...

ПЕШКОВА: Я привезла вам продуктов, после попрошу коменданта выдать вам
еще еды и керосину, Елена Викторовна! Где керосин?

БАБА ЛЕНА: Спаси вас Бог, дорогая... Дай ей керосину, Ахметушка...

АХМЕТ ВСТАЕТ И ИЗ НЕБОЛЬШОГО ШКАФА В
УГЛУ ВЫТАСКИВАЕТ БУТЫЛЬ, ГДЕ НА ДНЕ
ПЛЕСКАЕТСЯ КЕРОСИН. ОН ЗАПРАВЛЯЕТ ЛАМПУ
И БЕРЕТ СПИЧКИ, ВОПРОСИТЕЛЬНО СМОТРИТ НА
ЕКАТЕРИНУ.

БАЙТУРСЫНОВ: Вы позволите?

ПЕШКОВА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Конечно. Наконец-то услышала ваш голос, товарищ Байтурсынов.

АХМЕТ ПОДЖИГАЕТ КЕРОСИНКУ. ЕКАТЕРИНА
САДИТСЯ ЗА СТОЛ, СНОВА ЧИТАЕТ ЛИСТОК.
АХМЕТ ПРОДОЛЖАЕТ СТОЯТЬ У СТОЛА.

ПЕШКОВА: Не стойте, Ахмет, я - не начальник, да и вы больны. Сядьте. Или
лучше лягте - еле на ногах держитесь.

АХМЕТ САДИТСЯ НА КРОВАТЬ. ЕКАТЕРИНА
ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ КЛАДЕТ ЛИСТОК НА СТОЛ,
РАЗГЛАЖИВАЕТ ЕГО. ПАПИРОСУ ТУШИТ О
КОРПУС КЕРОСИНКИ И КИДАЕТ ОКУРОК НА
СТОЛ.

ПЕШКОВА: Я читала ваши переводы... Ваш друг, Алихан, меня снабдил. И это
тоже читала - правда, там были несколько другие слова. Вы сами
переводите?

АХМЕТ КИВАЕТ.

ПЕШКОВА: Знаю о ваших сыновьях. Мне очень жаль.

БАЙТУРСЫНОВ КУТАЕТСЯ В ПОКРЫВАЛО.
ПАПИРОСУ ОН УЖЕ ПОТУШИЛ ПАЛЬЦЕМ И НЕ

ВЫПУСКАЕТ ОКУРОК ИЗ РУК. ПЕШКОВА ВСТАЕТ, СНИМАЕТ ТУЛУП С КРЮЧКА И НАКРЫВАЕТ ИМ АХМЕТА.

БАЙТУРСЫНОВ: Как они умерли?

ПЕШКОВА ЗАСТЫВАЕТ НА МГНОВЕНЬЕ. ПОТОМ ТЯЖЕЛО САДИТСЯ НА СТУЛ. БЕРЕТ ЕЩЕ ПАПИРОСУ, НО НЕ ЗАКУРИВАЕТ, ПРОСТО ТЕРЕБИТ ЕЕ В ПАЛЬЦАХ. ПАУЗА.

ПЕШКОВА: Не знаю, Ахмет, не знаю... Вы меня помните? Мы виделись как-то, очень давно.

БАЙТУРСЫНОВ: Да, Екатерина Павловна. Москва, 19-ый год...

ЕКАТЕРИНА ОЗИРАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Давно здесь обитаете?

БАЙТУРСЫНОВ: Две недели... Наверное... Меня перевели сюда из лагеря - думаю, вашими стараниями. Спасибо вам, Екатерина Павловна...

ПЕШКОВА: За что?! За что благодарите?!

ПЕШКОВА СТАНОВИТСЯ УДРУЧЕННОЙ.

ПЕШКОВА: Я... Мы... Из-за нас все...

ОНА ЗАПИНАЕТСЯ, ОГЛЯДЫВАЕТСЯ НА ПЕЧКУ.

ПЕШКОВА: Да и не просила я об этом. Тем не менее, я рада, что вам смягчили условия содержания. Как же холодно у вас! Как же рано зима приходит сюда - в Москве все еще бабье лето...

СХВАТИВ СПИЧКИ, ЕКАТЕРИНА РЕЗКО ВСТАЕТ, ИДЕТ К ПЕЧКЕ, ЗАКИДЫВАЕТ ТУДА ОСТАВШИЕСЯ ДРОВА. ПОДЖИГАЕТ. ОПЯТЬ СВЕРХУ ДОНОСИТСЯ КРЯХТЕНЬЕ.

ПЕШКОВА: Как вы ее зовете, Ахмет?

БАЙТУРСЫНОВ: Баба Лена.

ПЕШКОВА: Не беспокойтесь, баба Лена, о дровах я тоже похлопочу!

ОНА БЕРЕТ САКВОЯЖ И ИДЕТ К СТОЛУ.

ПЕШКОВА: Чем питаетесь тут, Ахмет? Голодны, небось? Глупый вопрос, извините...

БАЙТУРСЫНОВ: Я в порядке, Екатерина Павловна, я в порядке... Баба Лена кормит меня рыбным бульоном, когда есть возможность... Ей тоже несладко...

ПЕШКОВА: Я понимаю. Вот, скромные гостинцы - что могла провезти без порчи в дороге.

ОНА ВЫКЛАДЫВАЕТ НА СТОЛ ПАРУ КОНСЕРВОВ, ХЛЕБ, КАКИЕ-ТО ГАЗЕТНЫЕ СВЕРТКИ, БАНКУ С МАСЛОМ. ПОСЛЕДНЕЙ НА СТОЛ СТАВИТСЯ БУТЫЛКА ВОДКИ.

ПЕШКОВА: Ну, а это... Потом.

ЕКАТЕРИНА ВЫТАСКИВАЕТ СКЛАДНОЙ НОЖ ИЗ КАРМАНА ШТАНОВ, ОТКРЫВАЕТ ОДНУ ИЗ КОНСЕРВНЫХ БАНОК. СМОТРИТ ПО СТОРОНАМ - ИЗ ШКАФЧИКА В УГЛУ БЕРЕТ ТАРЕЛКУ, ЛОЖКУ И КРУЖКУ, СТАВИТ ВСЕ ЭТО НА СТОЛ. ВЫТРАХИВАЕТ ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ СОДЕРЖИМОЕ НА ТАРЕЛКУ.

ПЕШКОВА: Садитесь и кушайте, товарищ Байтурсынов.

КРЯХТЕНЬЕ С ПЕЧКИ.

ПЕШКОВА: Вам останется, баба Лена! Садитесь!

ОНА ОТОДВИГАЕТ СТУЛ ОТ СТОЛА И СМОТРИТ НА АХМЕТА, НО ТОТ НЕ ДВИГАЕТСЯ С МЕСТА. ТОГДА ЕКАТЕРИНА БЕРЕТ СТОЛ С ДВУХ СТОРОН СО ВСЕМ, ЧТО ЕСТЬ НА НЕМ, И ПРИНОСИТ ЕГО К КРОВАТИ, СТАВЯ ПРЯМО ПЕРЕД БАЙТУРСЫНОВЫМ. САМА ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СТУЛУ, САДИТСЯ.

ПЕШКОВА: Кушайте, Ахмет. И не обращайтесь на меня внимания - меня здесь нет, я неофициально, так что... Не стесняйтесь.

АХМЕТ БЕРЕТ ЛОЖКУ И НАЧИНАЕТ ЕСТЬ. ОТЛАМЫВАЕТ КУСОК ХЛЕБА, ЖУЕТ. НА ЕГО ГЛАЗАХ ПОЯВЛЯЮТСЯ СЛЕЗЫ. ОН ПЫТАЕТСЯ РУКАВОМ ВЫТЕРЕТЬ СЛЕЗЫ. ЕКАТЕРИНА ВЫТАСКИВАЕТ ПЛАТОК И ОТДАЕТ ЕГО АХМЕТУ - ОН ВЫТИРАЕТ ПЛАТКОМ ГЛАЗА.

БАЙТУРСЫНОВ: Простите... Простите...

ЕКАТЕРИНА НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ СТОИТ РЯДОМ,

ПОТОМ ОТХОДИТ ОТ АХМЕТА. СТОИТ, ОПУСТИВ ГОЛОВУ. ПОТОМ ПОДХОДИТ К СТОЛУ, БЫСТРО ОТКРЫВАЕТ БУТЫЛКУ ВОДКИ И ПЛЕСКАЕТ НЕМНОГО СЕБЕ В КРУЖКУ. ОТПИВАЕТ И КАШЛЯЕТ, ПРИЛОЖИВ РУКУ КО РТУ.

ПЕШКОВА: Черти что! Какая гадость! Насколько я помню, вы не пьете, товарищ Байтурсынов... И правильно делаете.

ОНА САДИТСЯ НА СТУЛ, КОТОРЫЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ В ОДИНОЧЕСТВЕ ПОСРЕДИ КОМНАТЫ. АХМЕТ УЖЕ НЕ ЕСТ.

ПЕШКОВА: Это в лечебных целях. В любом случае, можете обменять на что-либо необходимое.

БАЙТУРСЫНОВ: Спасибо вам, Екатерина Павловна...

ПЕШКОВА: Да прекратите меня благодарить! Тошно от этого всего...

БАЙТУРСЫНОВ МОЛЧИТ.

ПЕШКОВА: Извините, извините... Я... Что-то не задалось у нас с вами общение с самого начала, Ахмет - это моя вина, простите. За многие годы мне впервые разрешили приехать в место, подобное вашему... Все позабыла, совсем размякла в столице. Вам надо держаться. Держаться. Ваша семья ждет вас...

ГЛАЗА АХМЕТА НАЧИНАЮТ СВЕРКАТЬ ОТ РАДОСТИ.

БАЙТУРСЫНОВ: Семья? Я увижу жену и дочь? Они приедут? Скажите! Не молчите! Когда это случится?

ПЕШКОВА: Скоро, товарищ Байтурсынов, скоро, я привезла распоряжение о вашем переводе в Томск, к жене и дочке, как вы и просили...

АХМЕТ ВСКАКИВАЕТ С КРОВАТИ, ЧУТЬ НЕ ОПРОКИНУВ СТОЛ, ПРИПАДАЕТ К НОГАМ ЕКАТЕРИНЫ НА КОЛЕНЯХ, БЕРЕТ ЕЕ РУКИ.

БАЙТУРСЫНОВ: Благодарю вас! Благодарю вас!

ОН ЦЕЛУЕТ ЕЕ РУКИ. ЕКАТЕРИНА СПОЛЗАЕТ СО СТУЛА НА ПОЛ, ТОЖЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ НА КОЛЕНЯХ ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АХМЕТОМ.

ПЕШКОВА: Не надо, Ахмет, все закончилось... Все закончилось...

ОНА ГЛАДИТ ЕГО ПО СЕДЫМ ВОЛОСАМ. ПОТОМ

ОНА ПОДНИМАЕТ ЕГО С КОЛЕН.

ПЕШКОВА: Вставайте, Ахмет, мы не так молоды, чтобы вот так вот на полу сидеть... Пойдемте...

ЕКАТЕРИНА ВЕДЕТ ЕГО К КРОВАТИ,
УСАЖИВАЕТ, СНОВА НАКИДЫВАЕТ НА НЕГО
ТУЛУП. САДИТСЯ РЯДОМ. ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ: Я не понимаю, почему вы решили лично мне сообщить об этом?

ПЕШКОВА ПОЖИМАЕТ ПЛЕЧАМИ.

ПЕШКОВА: Выдался случай... Почти невозможный случай в наши дни. И я поехала. Три недели в пути, где по бездорожью и кочкам, где по глубоким снегам... Трудно к вам добраться. Полагаю, Алексей посодействовал моему путешествию сюда.

БАЙТУРСЫНОВ: Алексей... Максим Горький?

ПЕШКОВА: Да, он самый. Он был тогда на нашей стихийной встрече в Москве, если помните...

БАЙТУРСЫНОВ: Я помню. Помню, что он был не в духе...

ПЕШКОВА: Да. Тогда он был другим. Теперь редко его увидишь в плохом настроении. Ему все хорошо. Большим оптимистом стал наш Алексей!

ОНА ДЕЛАННО СМЕЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ: Я помню вашего сына. Где он сейчас?

ПЕШКОВА ЗАСТЫВАЕТ, А ПОТОМ ПО СКЛАДАМ
ВЫДАВЛИВАЕТ ИЗ СЕБЯ:

ПЕШКОВА: Сын? Сын...

АХМЕТ СМОТРИТ НА НЕЕ С СОЧУВСТВИЕМ,
ПОДОЗРЕВАЯ О ЧЕМ-ТО УЖАСНОМ. А
ЕКАТЕРИНА ОЖИВЛЯЕТСЯ И ПРОДОЛЖАЕТ
БОДРО:

ПЕШКОВА: Ну да ладно. Скажите мне вот что, Ахмет - меня тогда в Москве поразила ваша прекрасная русская речь, вы знаете слова, о которых и многие русские не подозревают. Откуда в вас это? Тогда я хотела у вас спросить, но не осмелилась. Где вы учили русский?

БАЙТУРСЫНОВ: В школе. Но большей частью русский я освоил самостоятельно, очень много читал...

ВДРУГ ОН СНОВА НАЧИНАЕТ ГОВОРИТЬ ЖАРКО:

БАЙТУРСЫНОВ: Вы не знаете ничего о Бадрисафе, моей супруге? О дочери? Как их здоровье? Не слишком ли бедствуют они? Простите, простите... Я просто не могу об этом не думать... Вы удивлены - вы видели меня большим и сильным человеком, а теперь я... Кто я такой теперь? Ничего не хочу, ни о чем не думаю, лишь только о них... Меня, как и вас - меня, настоящего - здесь нет...

ПЕШКОВА: Я ничем не лучше вас, дорогой мой, ничем...

БАЙТУРСЫНОВ: Но вы сражаетесь!

ПЕШКОВА: Нет. Я уже давно устала. И силы уже не те. Да что я жалуясь, господи!

ОНА ВСТАЕТ.

ПЕШКОВА: Но это не конец, Ахмет, это не конец. Все изменится. Когда-нибудь...

ОНА ЗАДУМЧИВО ОСМАТРИВАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Нам бы чаю попить... Я не вижу чайника...

АХМЕТ ОЖИВЛЯЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ: Чай... Вы привезли чай? За печкой - чан с водой, а чайник... Я никогда и не видел его здесь - баба Лена в чугушке кипятит, я в кружке сразу... Возможно, чайник где-то в снях. Да и нечасто у нас печка топится.

ПЕШКОВА: Ясно. Баба Лена! Где у вас чайник?

В ОТВЕТ - МОЛЧАНИЕ.

ПЕШКОВА: Померла, что ли?

БАЙТУРСЫНОВ: Заснула. Здесь все много спят...

ПЕШКОВА: Ну и хорошо, сама поищу.

ЕКАТЕРИНА ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ И УХОДИТ В СЕНИ ДОМА. БАЙТУРСЫНОВ ОСТАЕТСЯ ОДИН В КОМНАТЕ, СИДИТ НА КРОВАТИ. ИЗ СЕНЕЙ ДОНОСИТСЯ ШУМ - ПЕШКОВА ИЩЕТ ЧАЙНИК. ВНЕЗАПНО ШУМ ПРЕКРАЩАЕТСЯ, ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ ВОЙ МЕТЕЛИ ЗА ОКНОМ ДА ДАЛЕКИЙ ЛАЙ СОБАК. АХМЕТ ВЫПРЯМЛЯЕТСЯ, ПРИСЛУШИВАЯСЬ К ТИШИНЕ. ПОТОМ ОН

МЕДЛЕННО ВСТАЕТ С КРОВАТИ, ОПИРАЯСЬ О
СТОЛ.

БАЙТУРСЫНОВ: Екатерина Павловна... Екатерина... Товарищ Пешкова, с вами все хорошо?

ОН ДЕЛАЕТ НЕСКОЛЬКО ШАГОВ К ДВЕРИ,
ОТТУДА ВЫХОДИТ ПЕШКОВА, ВЫТИРАЯ ГЛАЗА -
ВИДИМО, ОНА ПЛАКАЛА. ПЕШКОВА
УЛЫБАЕТСЯ, ПРИСЛОНЯЕТСЯ К КОСЯКУ
СПИНОЙ, СНОВА ВЫТАСКИВАЕТ ПАПИРОСЫ,
ИЩЕТ СПИЧКИ ПО КАРМАНАМ. БАЙТУРСЫНОВ
ДАЕТ ЕЙ СПИЧКИ СО СТОЛА. ОНА ЗАКУРИВАЕТ.
УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Какая же я дура! С ума выжила от старости - есть же у меня чайник.

БАЙТУРСЫНОВ: Не наговаривайте на себя, Екатерина Павловна, вы совсем не стары.

ЕКАТЕРИНА УСМЕХАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Не стара... Да, не стара, конечно. Жизнь прожита, все в прошлом... Судя по вашему лицу, мой "оптимизм" вас не радует.

ЕКАТЕРИНА РЕЗКО САДИТСЯ У РЮКЗАКА РЯДОМ
С ДВЕРЬЮ, КОПАЕТСЯ В НЕМ. АХМЕТ НАВИСАЕТ
НАД НЕЙ ГРУЗНОЙ ФИГУРОЙ. ОНА
ВЫТАСКИВАЕТ ЧАЙНИК, СМОТРИТ НА
БАЙТУРСЫНОВА СНИЗУ ВВЕРХ. ПЕШКОВА
ВСКАКИВАЕТ НА НОГИ И БЫСТРО ИДЕТ К ЧАНУ
С ВОДОЙ, НАЛИВАЕТ ВОДУ В ЧАЙНИК И СТАВИТ
ЕГО В ПЕЧКУ. ПОКА ОНА ВОЗИТСЯ,
БАЙТУРСЫНОВ ИДЕТ И САДИТСЯ НА СТУЛ
ПОСРЕДИ КОМНАТЫ.

ПЕШКОВА: Наверное, целую вечность не пили чаю, товарищ Байтурсынов? Сейчас согреемся! Нет ничего лучше чая для этого - вы это прекрасно знаете!

ПОСТАВИВ ЧАЙНИК, ОНА ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К
АХМЕТУ.

ПЕШКОВА: И потом - у нас давно нет ни оптимистов, ни пессимистов. Остались только смирившиеся... Вы так не считаете?

ОНА ИДЕТ МИМО АХМЕТА К ОКНУ, СМОТРИТ
ТУДА, ПРОДОЛЖАЯ КУРИТЬ.

ПЕШКОВА: Ах, Ахмет, не думайте, что я потеряла надежду - эта дорога совершенно выбила меня из колеи, вот и накатывают мысли всякие,

нехорошие. Я все еще верю в лучшее, нам бы только вытерпеть. Что там было на кольце? "И это пройдет"... И это пройдет, товарищ Байтурсынов, и это...

ВДАЛЕКЕ РАЗДАЮТСЯ ВЫСТРЕЛЫ, ЛАЙ СОБАК
УСИЛИВАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Что это?

БАЙТУРСЫНОВ: Опять бежал кто-то, скорее всего.

ВЫСТРЕЛЫ ПРЕКРАЩАЮТСЯ.

ПЕШКОВА: Поймали...

БАЙТУРСЫНОВ: Нет. Застрелили. Здесь никого не ловят.

ПАУЗА.

ПЕШКОВА: Видимо, вы привыкли к этому, товарищ Байтурсынов.

БАЙТУРСЫНОВ: К такому не привыкнешь. Но, как вы говорите, смиряешься.

ПЕШКОВА ОПЯТЬ БРОСАЕТ ОКУРОК НА СТОЛ.

ПЕШКОВА: Вы почти не ели, Ахмет. Поешьте.

БАЙТУРСЫНОВ: Поедим вместе, Екатерина Павловна. Вам с дороги голодно должно быть.

ПЕШКОВА: Ну давайте!

БАЙТУРСЫНОВ ВСТАЕТ И СТАВИТ СТУЛ У
СТОЛА, ЧУТЬ ОТОДВИНУВ ЕГО. ОН РУКОЙ
ПРИГЛАШАЕТ ПЕШКОВУ САДИТСЯ. ОНА
САДИТСЯ, ОН ПРИДВИГАЕТ СТУЛ, БЕРЕТ ИЗ
ШКАФЧИКА ЕЩЕ СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ,
ВЫКЛАДЫВАЕТ В ЧАШКУ ИЗ КОНСЕРВЫ
СОДЕРЖИМОЕ, ПОТОМ САМ САДИТСЯ НА
КРОВАТИ. ОНИ КУШАЮТ.

ПЕШКОВА: Этот стих... Эта колыбельная на листке, - вы переводите сами свои же стихи. Зачем? Красивый перевод, кстати...

АХМЕТ ВЗДЫХАЕТ, ВЫПРЯМЛЯЕТСЯ, ПОЛОЖИВ
ЛОЖКУ НА СТОЛ.

БАЙТУРСЫНОВ: Находясь здесь, я перестал думать. Точнее, мыслить. Мыслить... А без этого... Ведь это главное для человека. Голод и боль - только эти две вещи волнуют здесь всех, об остальном думать нет сил. И мысли

о семье в итоге тоже не дают ничего, кроме боли. Вот я и вспоминаю, что когда-то писал, а то, что удастся вспомнить, пытаюсь перевести на русский, насколько это в моих силах. Эти усилия создают иллюзию мысли и дают на время забыть о боли и голоде.

ПЕШКОВА: "Слова без мыслей не доходят к небу..." Голод и боль... А как же страх? Страх ведь глушит любую мысль, не так ли?

БАЙТУРСЫНОВ: Страх? Это так, верно. Но о нем я не говорю, потому что страх в основе всех других бед. Для меня... Для меня страх перестать думать сильнее любого другого страха.

ПЕШКОВА УСМЕХАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Вы боитесь потерять умение мыслить. И это здесь, в одном из самых ужасных мест на Земле. А я боюсь думать. Просто думать, хотя бы о чем-нибудь. Я боюсь думать, живя в сытой и довольной Москве. Вот так, товарищ Байтурсынов.

ПЕШКОВА ВДРУГ СПОХВАТЫВАЕТСЯ И
ОГЛЯДЫВАЕТСЯ НА ПЕЧКУ.

БАЙТУРСЫНОВ: Баба Лена спит, не беспокойтесь. Да если и не спит, вряд ли что-нибудь поймет из наших слов... Знаете, я вас понимаю. Думать нынче - большая роскошь. И, может быть, мне даже лучше здесь, чем вам там.

ПЕШКОВА: О чем вы?!

БАЙТУРСЫНОВ: Те, кто попал сюда, уже умерли. И даже если кто-то из нас вернется, мы так и не оживем, никогда. Чего бояться мертвым?! Вы же все еще живы. Живы, и потому страх вас поглощает до самого нутра.

БАЙТУРСЫНОВ ЧУТЬ УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Вы, наконец, улыгнулись.

БАЙТУРСЫНОВ: Просто... Наверное, я не прав в том, что сейчас сказал. Вы совсем немного здесь со мной, но я уже размышляю, и думаю я о том, о чем уже давно не думал, будто вы меня разбудили. Я все еще жив. Это удивительно. Жив... Странное ощущение...

ПЕШКОВА: Конечно, живы - куда вы денетесь от нас! И ваша голова ясна, как прежде. И я жива. Курите, не жалейте табаку. Я вам привезла запас табака, хватит до Томска, надеюсь.

ОНА КИДАЕТ НА СТОЛ КОРОБКУ ПАПИРОС И
СПИЧКИ. АХМЕТ ЗАКУРИВАЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ: Вы живы, и это тоже удивительно. Как он вас терпит?

ПЕШКОВА РЕЗКО ВСТАЕТ ИЗ-ЗА СТОЛА И МЕДЛЕННО ИДЕТ К ПЕЧКЕ, ЗАСУНУВ РУКИ В КАРМАНЫ ШТАНОВ. ГОВОРIT ГРОМКО:

ПЕШКОВА: Он? Он - рассудителен, методичен, прозорлив в какой-то мере. Его даже можно назвать мудрым. Враг повергается один за другим, и никому пощады нет. А некоторых бывших врагов он умеет превращать в преданных товарищей.

БАЙТУРСЫНОВ: Как и вас?

ЕКАТЕРИНА ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К НЕМУ С НЕСКОЛЬКО РАСТЕРЯННЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ ЛИЦА.

БАЙТУРСЫНОВ: Извините, сказал непозволительное...

ПЕШКОВА: Нет, в чем-то вы правы. Но я никогда не была его врагом. Еще до революции я поняла, что нельзя вставать на его пути. Мое дело маленькое... И я безмерно благодарна ему, что он позволяет спасти хоть кого-то. А вот Максим, то есть, Алексей Максимович... Максим...

ПЕШКОВА ДВУМЯ РУКАМИ ВЗЛОХМАЧИВАЕТ СВОИ ВОЛОСЫ.

ПЕШКОВА: Господи, так не должно быть, не должно быть...

БАЙТУРСЫНОВ: Вы о чем?

ПЕШКОВА: Нет, нет, ни о чем. О Горьком. Завидую его искренности. Ведь я знаю его очень хорошо - его преданность неподдельна. Он сюда приезжал как-то, вы его не видели?

БАЙТУРСЫНОВ: Меня привезли чуть позже. Да если бы и встретились, он бы не вспомнил меня...

ПЕШКОВА ТИХО СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Вспомнил бы, поверьте - память у Горького чрезвычайно цепкая. Он ничего и никого не забывает. Может, поэтому они так близко сошлись, великий русский писатель и наш великий рулевой - оба помнят все, и радости, и обиды. За радость благодарят с лихвой, за обиду... Как же я его ненавижу...

ПЕШКОВА ВДРУГ САДИТСЯ У ПЕЧКИ НА ПОЛ, ПРИСЛОНЯЯСЬ К НЕЙ СПИНОЙ. АХМЕТ

ПРИВСТАЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ: Екатерина Павловна? Ваши слова могут дорого вам обойтись...

ПЕШКОВА: Бросьте, Ахмет, кому мы нужны?! Бабе Лене?! Я-то уж точно теперь никому не нужна. Да и вы... помнят ли вас на родине? Что стало с вашими сыновьями?

БАЙТУРСЫНОВ САДИТСЯ И ОПУСКАЕТ ГОЛОВУ.
ПЕШКОВА СМЯГЧАЕТ ГОЛОС.

ПЕШКОВА: Простите, простите, я не хотела... Простите. Что я несу?!

ОНА РАССТЕГИВАЕТ ВОРОТНИК ГИМНАСТЕРКИ
ПОД КУРТКОЙ.

ПЕШКОВА: А здесь даже жарко. Сядьте со мной, товарищ Байтурсынов, у печки быстро согреетесь.

БАЙТУРСЫНОВ: Спасибо, Екатерина Павловна, с моими больными негнушимися ногами мне трудно будет опуститься на пол.

ПЕШКОВА: Я вам помогу. Прогреете свои кости, и вам полегчает.

БАЙТУРСЫНОВ МЕДЛЕННО ВСТАЕТ, БЕРЕТ
ПАЛКУ-ТРОСТЬ, СТОЯЩУЮ У СПИНКИ КРОВАТИ.
ИДЕТ К ПЕШКОВОЙ, СТОИТ РЯДОМ С НЕЙ. ОНА
ПОМОГАЕТ ЕМУ ПРИСЕсть НА ПОЛ У ПЕЧКИ,
САМА САДИТСЯ РЯДОМ.

ПЕШКОВА: Ну, как вам?

ОНА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Ездим на поездах, летаем на самолетах, пользуемся телеграфом, телефоном... А греемся у древней русской печи!

БАЙТУРСЫНОВ: Русская печь, наша тюркская юрта... Какие-то вещи остаются неизменными. Может, это хорошо?

ПЕШКОВА: Наверное...

ОНИ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ СИДЯТ МОЛЧА.

ПЕШКОВА: На самом деле, я говорю я о своем дражайшем супруге, а не о... Таланта своего недюжинного он не потерял, и от этого все становится еще хуже! Но это ведь тоже талант - так мгновенно приловчиться к обстоятельствам, преобразовать свои внутренние убеждения до прямо противоположных... Не каждому дано.

БАЙТУРСЫНОВ: Был ли у него выход?

ПЕШКОВА: Выход всегда есть. В конце концов, мог бы и не возвращаться!
Тогда, может быть, и сын остался бы жив...

АХМЕТ НАКЛОНЯЕТСЯ ВНИЗ, СМОТРИТ С
СОЧУВСТВИЕМ НА ЕКАТЕРИНУ.

БАЙТУРСЫНОВ: Я не знал... Значит, ваш сын...

ПЕШКОВА: Только без сочувствий и соболезнований, Ахмет, пожалуйста!
Только не от вас.

ОНА ВСКАКИВАЕТ НА НОГИ.

ПЕШКОВА: Вечно таскался за папой как привязанный. Вот и получил. Вот и
получил. Чайник, кажется, закипел.

БАЙТУРСЫНОВ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К ПЕЧИ И
ПЫТАЕТСЯ ВСТАТЬ.

ПЕШКОВА: Сидите, сидите!

ОНА БЕРЕТ ПОЛОТЕНЦЕ НА КРЮЧКЕ С ПЕЧИ И
БЕРЕТ ЧАЙНИК, ПРИ ЭТОМ ТИХО
ПРОГОВАРИВАЯ ТЕКСТ ИЗ "НА ДНЕ" ГОРЬКОГО:

ПЕШКОВА: "Неужто и на том свете мѹка мне назначена? Неужто и там?"
Пойдемте чай пить, Ахмет.

ОНА ПОМОГАЕТ АХМЕТУ ВСТАТЬ С ЧАЙНИКОМ
В РУКЕ ВЕДЕТ ЕГО К СТОЛУ. ИЗ ГАЗЕТНОГО
КУЛЬКА ЗАСЫПАЕТ В КРУЖКИ ЧАЙ И ЗАЛИВАЕТ
КИПЯТКОМ. ОНИ САДЯТСЯ И ПЬЮТ, ЯВНО
ОБЖИГАЯ ГУБЫ. ПЕШКОВА КАШЛЯЕТ.

ПЕШКОВА: Вот старая калоша - забыла кружку сполоснуть. Теперь чай у меня с
ароматом водки.

БАЙТУРСЫНОВ: "Ничего не будет! Отдохнешь там!.. Потерпи! Все, милая, терпят...
всяк по-своему жизнь терпит..."

ПЕШКОВА УДИВЛЕННО СМОТРИТ НА АХМЕТА.

БАЙТУРСЫНОВ: Вспомнил я, откуда ваши слова. "На дне"! Не забыть такого - редко
удавалось мне бывать в театре.

ПЕШКОВА: Чай с водкой - надо запомнить этот рецепт.

ОНИ ОПЯТЬ МОЛЧАТ И ПЬЮТ ЧАЙ. ПЕШКОВА
ОТКИДЫВАЕТСЯ НА СПИНКУ СТУЛА.

ПЕШКОВА: Ну, и память у вас, товарищ Байтурсынов! Не знаю, почему эта пьеса вдруг в голове зазвучала... Ведь не любила я ее никогда, и Алексею это часто говорила. Ходульные, безжизненные, напыщенные диалоги, полные морализаторства и фальшивого пафоса... Так я ему говорила. Но... Может, прав Лука? Может, наши дети отдыхают там теперь? И нет у них больше страданий и бед? И мы там отдохнем.

БАЙТУРСЫНОВ: Отдохнуть можно и здесь.

ПЕШКОВА: Но как? Как?

БАЙТУРСЫНОВ: В нашей памяти. Вороша старое. Вы ведь так и делаете. Я тоже. Только это и помогает оставаться в разуме.

ЕКАТЕРИНА СОГЛАСНО КИВАЕТ. С ПЕЧИ ВДРУГ
ДОНОСИТСЯ ХРИПЛЫЙ, ТИХИЙ ГОЛОС БАБЫ
ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА: А Сережка-то мой в проруби утонул... Семнадцати годов... И не видел ничего на этом свете-то... Утонул мой Сережка...

БАБА ЛЕНА, ПОВЗДЫХАВ, СНОВА ЗАТИХАЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ: Чаю выпьете, баба Лена?

БАБА ЛЕНА МОЛЧИТ.

БАЙТУРСЫНОВ: Она все слышала...

ПЕШКОВА: Да и ладно. И потом - мы же договорились, что нас здесь нет, и не должно было быть, разве не так?

БАЙТУРСЫНОВ: Да... Да, конечно. Каждый из нас в своей пустыне, с самим собой, или, точнее, с тем, что так и не сделано нами.

ПЕШКОВА: Не сделано? Вы думаете, мы с вами мало что сделали? Если бы я так думала, я бы давно прыгнула вниз с какой-нибудь скалы! Мы много чего сделали, Ахмет! Много чего!

БАЙТУРСЫНОВ: Много... Да, много. Но куда все это ушло? Вы чувствуете это? Вы видите глазами то, что сделано вами? Разве изменилось что-нибудь?

ПЕШКОВА: Ахмет, извините, но я верю, что сейчас мы, возможно, не ощутим результатов наших с вами дел. Сейчас это сложно - мы слишком близко, мы внутри. Но в будущем... Поверьте, о нас не забудут и будут вспоминать все наши добрые и полезные дела, и даже мельчайшей детали наши потомки не упустят. Все вспомнят. Только

это меня заставляет работать сейчас. Только это.

БАЙТУРСЫНОВ: Малое утешение, Екатерина Павловна - благодарность потомков.

ОН БЕРЕТ ПАПИРОСУ, ХВАТАЕТ ТРОСТЬ И
ВСКАКИВАЕТ ИЗ-ЗА СТОЛА НАСТОЛЬКО БЫСТРО,
НАСКОЛЬКО ЭТО МОЖНО В ЕГО БОЛЬНОМ
СОСТОЯНИИ. ХОДИТ ПО КОМНАТЕ, ИНОГДА
ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ, МНЕТ ПАПИРОСУ В
ПАЛЬЦАХ.

БАЙТУРСЫНОВ: Вы думаете, потомки оценят... Да, наверное. Но посмотрите вокруг - что останется от наших потомков, если все сохранится так, как сейчас, еще какое-то долгое время? Ведь это все надолго! На годы, на десятилетия! Кто будут те, кто родят этих потомков? Посмотрите... Ладно, с Россией я не особо знаком, но на моей земле, кажется, не осталось ничего и никого хорошего. Зависть, ненависть, низость, мелочность - все это обращается в доносы. Доносы обращаются в аресты. Аресты обращаются в казни. Кто останется в будущем? А те, кто был когда-то великодушным и честным, но хочет выжить, становятся такими же, как все. Вы сами только что говорили про Горького - он искренне верит в праведность тех дел, что творятся сегодня! Если уж такие люди...

ПЕШКОВА: Да. Правда ваша. Но выживать можно по-разному.

БАЙТУРСЫНОВ: В выжженной степи не вырастут ни маки, ни тюльпаны, Екатерина Павловна! Вырастет мелкая трава да горькая полынь... И это будут наши потомки.

ПЕШКОВА: Выживать можно по-разному, товарищ Байтурсинов. Послушайте себя - даже находясь здесь, ваше сердце борется, ваш разум не сдается. Вы свободны, на самом деле.

АХМЕТ УСМЕХАЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ: Свободен?! Свободен... Свободен... Да кому нужно эта свобода внутри, о которой вы говорите?! Если бы я был свободен, разве я дал бы погибнуть моим детям?! Я бы смог их защитить! Я бы их спас! Я бы их спрятал от всех этих... Казахская земля огромна, и можно укрыться от злобы на долгие годы, можно найти укромное место. Я бы уберег их от страданий. Но здесь - что я могу здесь? Ничего. Лишь думать да горевать.

ПЕШКОВА: Как же ранят ваши слова...

БАЙТУРСЫНОВ: Простите.

ОН ПРОДОЛЖАЕТ МЯТЬ ПАПИРОСУ. ПЕШКОВА
ВСТАЕТ И ДАЕТ ЕМУ ОГНЯ, ЧИРКНУВ СПИЧКОЙ.

АХМЕТ КУРИТ, ОПУСТИВ ГОЛОВУ.

ПЕШКОВА: То, что вы сейчас говорите - это и мои мысли тоже. И они приводят меня в невероятное отчаяние. Это отчаяние так сильно, что превращается в равнодушие, в окаменелость души. Но вот увидела я вас, вижу сейчас вас в вашем живом отчаянии, в вашем нежелании быть слепым и не видеть ужасного - и ушло мое равнодушие. Не я вас разбудила, а вы меня. Вы сказали о потомках...

БАЙТУРСЫНОВ: Не принимайте близко к сердцу, это я сгоряча.

ПЕШКОВА: Вы сказали о потомках. Мне кажется, даже если сейчас нас всего горстка, тех, кто мыслит и чувствует, тех, кто в отчаянии - вот это все живое мы оставим потомкам.

БАЙТУРСЫНОВ: Оставим наше отчаяние?

ПЕШКОВА: Да! Отчаяние! Я верю, наше с вами отчаяние будет сильно их ранить и будоражить.

БАЙТУРСЫНОВ: Вы в это верите?

ПЕШКОВА: Да. Сейчас - да.

БАЙТУРСЫНОВ: А не останется ли им ложь о том, что было все хорошо и прекрасно? Что люди жили великой надеждой на лучшее будущее, и этим были счастливы? И кто тогда вспомнит о нас? И ведь действительно - в массе своей народ сейчас окрылен тем, что они построят для будущего. Вы видели коменданта - ведь он искренне верит, что делает благое дело для страны. Как и большинство. А мы?

ПЕШКОВА: Мы сильнее их, Ахмет. Нас мало, но мы сильнее. Вам ли не знать, что когда вы в меньшинстве, когда кажется, что ваш отчаянный голос тонет в общем хоре, тогда ваши силы вырастают в десятки раз!

БАЙТУРСЫНОВ: Возможно. Но битва проиграна. Нас разгромили и уничтожили, Екатерина Павловна, и даже нет той горстки, о которой вы говорите. Все мертво.

ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СТОЛУ, САДИТСЯ НА КРОВАТЬ. ПЕШКОВА КРИЧИТ:

ПЕШКОВА: Нет! Нет! Нет!

БАЙТУРСЫНОВ ВЗДРАГИВАЕТ ОТ ЕЕ КРИКА. С ПЕЧИ РАЗДАЕТСЯ ИСПУГАННЫЙ ГОЛОС БАБЫ ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА: Господь с вами, матушка... Ох, горе-то какое... Горе-то какое...

ПЕШКОВА: Все хорошо, баба Лена! Спите!

БАБА ЛЕНА: Горе-то какое...

ПЕШКОВА НА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ЗАСТЫВАЕТ НА МЕСТЕ. ПОТОМ РЕЗКО ПОДХОДИТ К СТОЛУ, ОПИРАЕТСЯ О НЕГО РУКАМИ И ГОРЯЧО ГОВОРIT АХМЕТУ:

ПЕШКОВА: Посмотрите на меня, товарищ Байтурсинов. Только что вы видели меня раздавленной, омертвевшей - такой я приехала к вам. Такой я была до последних минут. Но вот нас с вами двое! Нас всего двое, мы спорим друг с другом, мы соглашаемся, мы плачем - и мы ожили, словно Феникс восстал из пепла. В наших с вами словах отчаяния и надежды гораздо больше огня, чем вот в этой печи. Вы думаете, это все пропадет? Все это тлен, и даже никто не будет знать о нашей непростой беседе? Нет! Этот огонь не пропадет. Вы потеряли надежду, вы сникли - но это же все физическое, это ваши кости, ваше мясо, ваши ткани мозга - они устали, они не имеют сил дальше жить - не верьте им! Не верьте своему телу. Вы смотрите на меня почти с ненавистью... Это очень хорошо. Так и должно быть.

БАЙТУРСИНОВ НЕОЖИДАННО УЛЫБАЕТСЯ.

БАЙТУРСИНОВ: Странную вещь сейчас хочется сказать...

ПЕШКОВА: Говорите.

АХМЕТ ТУШИТ ПАПИРОСУ.

БАЙТУРСИНОВ: В таком воодушевлении вы видите мне девочкой-подростком, той, что грезит надеждами, и в чьем уме таятся грандиозные планы... Простите.

ЕКАТЕРИНА СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Как юные героини Чехова?

БАЙТУРСИНОВ: Именно так.

ПЕШКОВА: Ах, Ахмет, это же неплохо! Во мне еще не умер ребенок. И в вас, надеюсь, тоже. Ведь так?

АХМЕТ НАЛИВАЕТ СЕБЕ ЧАЮ. ПЬЕТ.

БАЙТУРСИНОВ: Ребенок... Мне рано пришлось повзрослеть, Екатерина Павловна. Помню ли я еще того ребенка?

ПЕШКОВА: Я знаю вашу историю, Ахмет. Вашего отца посадили, и с тех пор вы

его не видели. Посадили за непокорность, так же, как и вас. Я знаю, что с малых лет вам пришлось выживать всеми возможными способами. Это ужасно...

БАЙТУРСЫНОВ: Это не так ужасно, как звучит в ваших устах. Любой человек по природе своей способен выживать в самых трудных условиях. Ужасным было мое чувство в те годы. Чувство абсолютного одиночества, что для ребенка совершенно нестерпимая вещь. Словно один в целом мире, и не к кому прислониться, не с кем поплакать. Потому как тебе нужно кормить семью, не огорчать мать своими страданиями, не давать сдаваться родным... Но тот ребенок, тот, у кого еще были и отец, и мать - он был безмерно счастлив! Вы правы, он еще жив во мне. Знаете, мне тогда казалось, что вся наша степь принадлежит мне! Я был мал, но, как всякий казах, ловко управлял лошастью, и сколько я ребенком проскакал по степи, просто так, навстречу солнцу, навстречу ветру, навстречу дождю и снегу! Вот где была свобода...

ПЕШКОВА: А разве вы до сих пор не продолжаете это? Лететь на коне навстречу всем ветрам и бедам? Словно тот ребенок?

БАЙТУРСЫНОВ: Вы говорите это с таким пафосом...

ПЕШКОВА: Нет, я... Простите.

БАЙТУРСЫНОВ: Иногда мне это снится. Да. Но я просыпаюсь, а вокруг все серое и черное. И это серое и черное нескончаемо. И тот ребенок из сна тут же умирает. Извините, мои мысли сбивчивы и нелогичны. Видно, чай меня сморил, клонит спать, и мысли путаются от этого.

ПЕШКОВА: Так поспите, товарищ Байтурсынов. Отдохните.

БАЙТУРСЫНОВ: Нет. Нельзя. Я засну, а времени у вас мало, вы же сегодня уезжаете?

ПЕШКОВА: Да. Через пару часов должна отбыть, к сожалению.

БАЙТУРСЫНОВ: Вот. Я засну, а когда проснусь, вас уже не будет, и тогда вы превратитесь в тот же сон, будто и не было ничего - ни вас, ни нашего горячего разговора, ни этого чая, ни огня в печи, который так редок... Все станет сном, все существенное снова исчезнет...

ПЕШКОВА САДИТСЯ РЯДОМ С НИМ НА КРОВАТЬ.

ПЕШКОВА: Вспомните о чем-нибудь хорошем, чтобы не заснуть. Как вы говорите, "вороша прошлое".

АХМЕТ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ МОЛЧИТ, ОПУСТИВ ГОЛОВУ.

БАЙТУРСЫНОВ: Хорошее не вспоминается. Чтобы не заснуть... Я вот у вас

спрашивал, как погибли мои сыновья. Вы тогда запнулись. Вы знаете. Я ведь не спросил - за что. Потому что я уже знал, КАК их убили. Земляки здесь передали. Как только я узнал об их смерти, о том, как это произошло - я чуть не умер. Я хотел бежать, чтобы быть убитым при побеге. И только мысль о Бадрисафе и Шолпан меня удержала от страшного. И потом мои убитые сыновья сказали мне с небес: "Не умирайте, отец. Не умирайте...". Я услышал их голоса в лихорадочном сновидении, в ночь перед тем, как собирался пойти под пули. В том сне, в том кошмаре - я ведь и не спал в действительности, а просто бредил - так вот, в этом бреде я увидел их смерть воочию, в подробностях. Как лошади били копытами о землю, пытаюсь разорвать их малые, но крепкие тела. Как они кричали от невыносимой, неземной боли.

БАЙТУРСЫНОВ ЗАМОЛКАЕТ, НЕ В СИЛАХ БОЛЬШЕ ГОВОРИТЬ. ПЕШКОВА СИДИТ РЯДОМ, БУДТО ОКАМЕНЕВ. АХМЕТ ПОВОРАЧИВАЕТ ГОЛОВУ К НЕЙ И СМОТРИТ ПРИСТАЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ.

БАЙТУРСЫНОВ: У нас с вами одна боль на двоих.

ПЕШКОВА: Не должны дети умирать. Не должны дети так умирать. Лошадьми... Разорвать... Это... Это...

ПЕШКОВА ЧУТЬ НЕ ПЛАЧЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ: Людская ненависть не смотрит на возраст - дети, мужчины, старики, женщины - ненависти все равно. И после гибели сыновей я почувствовал, что грядет нечто ужасное по всей земле. Эту ненависть не остановить, она будет только расти и расти. И миллионы погибнут в ее чреве. То, что происходит на моей родине, что существует здесь - это всего лишь легкая прелюдия к большой человеческой трагедии, трагедии неминуемой.

АХМЕТ УСМЕХАЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ: И вы это чувствуете, я вижу. Тут и оракулом не надо быть, на самом деле.

ПЕШКОВА: Да. Ненависть. Я чувствую то же самое. Но отгоняю это предчувствие, это ощущение неминуемости ужасного, более ужасного, чем то, что есть сейчас, занимаясь делами. Это мало помогает, но если кому-нибудь от моих дел становится легче, то и мне немного легче. Я - эгоистка, товарищ Байтурсынов!

ПЕШКОВА ГОРЬКО УЛЫБАЕТСЯ. БАЙТУРСЫНОВ УЛЫБАЕТСЯ В ОТВЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ: Тогда вы - невиданный доселе тип эгоистки, которая спасает людей.

ПАУЗА.

ПЕШКОВА: Я ведь к вам не из Москвы - из Воронежа. Из теплыни да в мороз. Какая огромная у нас с вами страна - все сезоны можно пройти в трехнедельном путешествии.

БАЙТУРСЫНОВ: Надолго ли.

ПЕШКОВА: Что - надолго?

БАЙТУРСЫНОВ: Надолго ли она останется такой - огромной?

ПЕШКОВА: Вы имеете в виду что-то вроде колосса на глиняных ногах?

БАЙТУРСЫНОВ: Да, что-то вроде этого. Правда, я не имею понятия, как долго этот колосс простоит. Возможно, вечно.

АХМЕТ ВЗДЫХАЕТ.

ПЕШКОВА: Не могу с вами согласиться насчет колосса. Вопрос ведь не в размерах страны, а в том, что в ней происходит.

БАЙТУРСЫНОВ: Все это связано - и огромность наших просторов, и миропорядок на этих землях. В этом хрупкость. И никакая самая сильная рука не сможет вечно удерживать это великое пространство. Но в этой стране многое происходит впервые в мире. И, может быть, мое видение хрупкости страны ложное, и она просуществует очень долго, принося страдания как своему народу, так и другим...

ПЕШКОВА: Ох, Ахмет, слава богу ваша хозяйка мало смыслит в ваших словах, иначе...

БАЙТУРСЫНОВ: Простите, Екатерина Павловна, за мою неосторожность - больше всего не хочу, чтобы вы попали в беду из-за моих слов. Расслабился я по неизвестной причине, хотя мне надо думать о возвращении к своей семье. А я тут несу чушь, пугая и вас, и бабу Лену...

ПЕШКОВА: Это не чушь. Вам просто надо выговориться, чтобы не сойти с ума. Я боюсь - да, вы правы - боюсь ваших резких слов. Но этот страх инстинктивный, а, значит, животный, дикий, и как человек разумный, я понимаю бессмысленность этого страха. Говорите и не бойтесь, и я постараюсь обуздать свои страхи - это все фантомы, призраки, просто надо найти силы пройти сквозь них. Еще чаю?

БАЙТУРСЫНОВ: Не откажусь, Екатерина Павловна.

ПЕШКОВА НАЛИВАЕТ ЕМУ И СЕБЕ ЧАЮ. ПОТОМ ДОЛИВАЕТ СЕБЕ В ЧАЙ ВОДКИ. ОНА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Что добру пропадать-то, Ахмет! Я немного.

БАЙТУРСЫНОВ: Конечно, пейте. Вам нужно с дороги.

ПЕШКОВА: Нужно ли?

ОНА ОТПИВАЕТ, КАШЛЯЕТ, БЫСТРО
ВЫТАСКИВАЕТ ИЗ КОРОБКИ ПАПИРОСУ,
ЗАКУРИВАЕТ.

ПЕШКОВА: Как мог человек придумать такую мерзкую вещь, как водка?!

ОНА СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Опять глупость сказала - человек и не такое придумывал... Что же мы за существа такие?

ОНА ОСМАТРИВАЕТСЯ, КУРИТ.

ПЕШКОВА: Что же мы за существа такие... Я читала ваше дело, Ахмет.

БАЙТУРСЫНОВ: Я прекрасно знаю свое дело - следователь был достаточно добр и открыт ко мне, и рассказывал все откровенно. Правда, при этом часто смеялся...

ПЕШКОВА: Смеялся?!

БАЙТУРСЫНОВ: Да. Мы все ему были смешны. Он называл нас крысами в клетке, которые перегрызают друг другу глотки, и счастливы от этого. В общем-то, он прав, Екатерина Павловна...

ПЕШКОВА: Прав?! Вас же посадили по лжи, и вы это знаете!

БАЙТУРСЫНОВ: Ложь ли это? Солгали ли в том доносе на меня? Я уже не уверен. Может, я действительно виновен? Желать хотя бы маленькой толики свободы для своего народа, игнорируя великие цели страны - разве это не преступление? И зачем она нужна, эта свобода? Я не знаю. Не знаю...

ПЕШКОВА: Значит, вы знаете, кто на вас донес?

БАЙТУРСЫНОВ: Конечно. Близкий товарищ. Хороший человек.

ПЕШКОВА: Я не первый раз с этим сталкиваюсь, к сожалению. И не могу понять. Видимо, не хватает мне вашей мудрости.

БАЙТУРСЫНОВ: О чем вы, Екатерина Павловна?

ПЕШКОВА: Сколько встречаюсь с заключенными - почти все прощают своих

доносчиков. Даже не прощают, а не считают их виновными в своих злоключениях. Будто так и должно быть, будто это закон жизни, чтобы ваш ближайший товарищ, соратник предал вас. Не понимаю.

БАЙТУРСЫНОВ: Трусость - не есть предательство.

ПЕШКОВА: Трусость ли? Слишком просто, если все от трусости. А не сознательное ли это предательство из зависти, из внутренней звериной злобы, которая сидит в каждом из нас? Не предательство ли это от бессилия и осознания собственной никчемности в сравнении с товарищами, мыслящими широко и глубоко, как, например, вы? Не предательство ли это от желания большей власти и влияния среди своих сородичей? Желания стать великим за счет тех, кто выше по духу? Я читала тот донос - сколько в нем было пламенного и искреннего негодования и обличительства в ваш адрес! Сколько в нем было ярких слов и убедительных в своей художественности фраз! А вы говорите, близкий товарищ... Не понимаю.

ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ: Слишком вы уж высокого мнения обо мне.

ПЕШКОВА: Нет, Ахмет, нет, я совсем не о том...

АХМЕТ ПЕРЕБИВАЕТ ЕЕ:

БАЙТУРСЫНОВ: А что в Воронеже? Бабье лето, небось?

ПЕШКОВА СНАЧАЛА ОПЕШИЛА ОТ РЕЗКОЙ СМЕНЫ ТЕМЫ, А ПОТОМ ОНА КИВАЕТ С УЛЫБКОЙ.

ПЕШКОВА: Да, оно самое - красно-золотая осень с неярким, но очень теплым солнцем, без ветра, без дождей... Благодать! Но бог с ним, с Воронежем, там у меня ничего не вышло, того, чего хотела. Вот что меня воодушевило - это Калуга, куда заехала по пути.

БАЙТУРСЫНОВ: А что там? В Калуге?

ПЕШКОВА: Рассказали мне про одного старого чудака-ученого. Рассказывали всякое... Встретилась я с ним, хоть и редко он кого принимает. Какой великолепный старик! Какой великий мечтатель!

БАЙТУРСЫНОВ УСМЕХАЕТСЯ. ПЕШКОВА ЗАМЕЧАЕТ ЕГО УСМЕШКУ.

ПЕШКОВА: Да, да! Великий мечтатель! Его рассказы о покорении космоса, его изобретения и устройства, которыми он хочет снабдить человечество для этого, эти самые странные, но чудесные ракеты - все это

настолько огромно, неожиданно и даже пугающе, что вы поневоле начинаете ему верить! И я поверила! И верю, что через короткое время наша страна сможет выполнить его мечты - он заставил меня в это поверить! Когда слушаешь его - это так понятно и логично, и понимаешь, что нет другого выхода у человека, кроме как уходить дальше ввысь, в космос, к Луне, к Марсу и дальше! Ох, извините. Я будто очутилась в его космических мечтах, когда мы с вами находимся здесь, в морозе да при еле греющей печке... Дрова бы подкинуть.

ВДРУГ СНОВА ДОНОСИТСЯ ХРИПЛЫЙ ГОЛОС
БАБЫ ЛЕНЫ.

БАБА ЛЕНА: Греет печка-то, греет, не наговариваете, милая... Греет печка, греет...

АХМЕТ И ЕКАТЕРИНА ПЕРЕГЛЯДЫВАЮТСЯ.

ПЕШКОВА: Отменный слух у вашей хозяйки...

БАЙТУРСЫНОВ: Не беспокойтесь - это она сквозь сон. А вообще она глуховата.

ПЕШКОВА: И не скажешь.

ВДРУГ ОНА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: В этом тот человек, мечтатель, схож с бабой Леной - тот тоже едва слышит. Приходилось кричать.

БАЙТУРСЫНОВ: А как его зовут, вашего мечтателя?

ПЕШКОВА: Фамилия у него интересная - Циолковский. Константин Эдуардович.

ПЕШКОВА ПОТЯГИВАЕТСЯ, ЗАКИНУВ РУКИ ЗА
ГОЛОВУ.

ПЕШКОВА: Там, в Калуге, я побывала в будущем, не понимая, то ли это его великие научные открытия, то ли предсказания сумасшедшего старика.

ПАУЗА. ПАПИРОСА ОБЖИГАЕТ ПАЛЬЦЫ
ПЕШКОВОЙ, И ОНА РОНЯЕТ ЕЕ НА ПОЛ.
САДИТСЯ НА ПОЛУ НА КОЛЕНИ, ИЩЕТ ОКУРОК,
НАХОДИТ, ПОДНИМАЕТСЯ НА НОГИ. ОНА
ТУШИТ ОКУРОК О БОРТ КЕРОСИНКИ. ПЕШКОВА
КАК-ТО ССУТУЛИТСЯ, ОПЕРШИСЬ РУКАМИ О
СТОЛ И ОПУСТИВ ГОЛОВУ. СТОИТ СПИНОЙ К
СЦЕНЕ.

ПЕШКОВА: А вот в Воронеже...

БАЙТУРСЫНОВ: Космос... Да. Значит, он думает, что человеку возможно обитать там, в черной пустоте?

ПЕШКОВА: Конечно! Он даже придумал удивительные и удобные устройства для человеческой жизни там, где жить невозможно. Там, где жить... невозможно... Вы правы - я глупая гимназистка...

НА МИГ ВООДУШЕВИВШИСЬ, ЕЕ ГОЛОС РЕЗКО
ПАДАЕТ. ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ: Знаете - может, устроившись там, в космосе, люди наконец-то начнут устраивать жизнь на Земле, Екатерина Павловна? Может, это движет вашим мечтателем? Кажется, ему больнее чем нам с вами, оттого он и бежит туда, в бесконечность и в безвоздушность, подальше отсюда...

ПЕШКОВА ЧУТЬ НЕ ПЛАЧЕТ, СЛЕГКА КАСАЕТСЯ
РУКИ БАЙТУРСЫНОВА.

ПЕШКОВА: Может быть, Ахмет, может быть.

БАЙТУРСЫНОВ: А что Воронеж? Расскажите, если можно!

АХМЕТ БЕРЕТ ПАПИРОСУ, НЕ ТОРОПЯСЬ,
ЗАКУРИВАЕТ.

ПЕШКОВА: Воронеж... Воронеж...

ОНА НАЧИНАЕТ БЫСТРО ХОДИТЬ ПО КОМНАТЕ
ТУДА-СЮДА И ГОВОРИТЬ ГОРЯЧО:

ПЕШКОВА: Получили мы на почту Политкреста письмо из Воронежа. Подписано - О.М. И адресовано лично мне. Письмо гневное, сумбурное, обвиняющее меня в бездействии. Обидное письмо, весьма обидное. Человек писал изящными, хлесткими словами, словно бьющими меня по щекам. Очень талантливый человек! Даже гений! Он говорил, что был наказан незаслуженно, что он всего лишь поэт, а никакой не политик - ни эсер, ни меньшевик, ни троцкист - просто поэт, и потому, видите ли, не знал цену своего неосторожного слова! Ну что за дитя?! Не знать цену слова в наши времена - это подобно самоубийству! Он или глуп, или, наоборот, слишком умен... А, может, и ни того, и ни другого. Он - просто поэт. Поэт! Какое высокое предназначение! И какое мелочное, склочное письмо, обвиняющее меня в немислимых грехах! Но он ведь прекрасно знает, что никакими полномочиями Политический Красный Крест не наделен! Мы - просто фикция! Мы - никто! Вот на ракету товарища Циолковского бы его - и в космос, этого О.М.!

ПЕШКОВА, РАССТРОЕННАЯ, САДИТСЯ НА СТУЛ,

ОПЕРШИСЬ ЛОКТЯМИ О КОЛЕНИ. АХМЕТ ЕДВА
УЛЫБАЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ: На ракету, и в космос?! Какое завидное путешествие. Я бы сам не отказался.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА УСМЕХАЕТСЯ.

ПЕШКОВА: Я бы тоже.

ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ: Кто такой, этот О.М.?

ПЕШКОВА: Кто он такой? Этот О.М. - действительно не с нашей планеты. Талантлив безумно. Спасти бы его. Но, к сожалению, О.М. обречен. Он такое не прощает... Так вы не знаете поэта Мандельштама?

БАЙТУРСЫНОВ: Так это он, этот загадочный О.М.? Имя слышал, но, к стыду своему, ни одной его строчки не читал - с русской культурой я на вы, товарищ Пешкова.

ПЕШКОВА: Чего тут стыдится... Да и невелика птица, этот Мандельштам.

БАЙТУРСЫНОВ: Невелика... Но ведь сделал нечто, крайне неудобное ЕМУ, как я понял из ваших слов.

ПЕШКОВА: Сделал. Да. Многие оказываются в этих местах без всяких причин, но в его случае... Удивительно, что он еще жив, да и находится в более комфортных условиях, чем вы. Видимо, смилостивились над ним, как над убогим. До поры, до времени.

БАЙТУРСЫНОВ: И в чем же он вас обвиняет конкретно? Вы же на самом деле бессильны, извините за такие слова...

ПЕШКОВА: Все верно - бессильны, Ахмет. Обвиняет в том, что помогли недостаточно, что сидят они с женой там, в Воронеже без работы, голодают, чуть ли не побираются.

ВДРУГ ПЕШКОВА СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА: И через все его письмо сквозь строки проглядывает праведный гнев поэта, что его бедственное положение, видите ли, не соответствует его несомненному величию!

БАЙТУРСЫНОВ: Возможно, так и есть.

ПЕШКОВА: Вы правы - так и есть. Но таких, как он - тысячи! Тысячи невероятно умных, талантливых, удивительных личностей, испытывающих непомерные страдания... Вас всех не спасти, Ахмет! Никого из вас

не спасти...

ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ: Что же он все-таки сделал? Хотелось бы узнать, Екатерина Павловна.

ПОМЕДЛИВ, ПЕШКОВА БЕРЕТ КАРАНДАШ И ОТРЫВАЕТ ОТ ОДНОГО ИЗ СВЕРТКОВ КУСОК ГАЗЕТЫ. ОНА СМАЧИВАЕТ КОНЧИК КАРАНДАША ВО РТУ И ЧТО-ТО ПИШЕТ НА ЭТОМ КЛОЧКЕ. ПОТОМ ОТДАЕТ ЭТОТ КЛОЧОК АХМЕТУ. ТОТ ЧИТАЕТ. СНОВА ПАУЗА. АХМЕТ СМИНАЕТ ЭТОТ КУСОК ГАЗЕТЫ И СЖИГАЕТ ЕГО НАД ОГНЕМ КЕРОСИНКИ. БРОСАЕТ ГОРЯЩИЙ КОМОК БУМАГИ НА СТОЛ. ИХ ЛИЦА ОСВЕЩЕНЫ УГАСАЮЩИМ ОГНЕМ. ПЕШКОВА ВДРУГ ШЕПЧЕТ:

ПЕШКОВА: Мы живем, под собою не чуя страны...

БАЙТУРСЫНОВ: Мы живем, под собою не чуя страны...

ПЕШКОВА: Мы живем, под собою не чуя страны...

БАЙТУРСЫНОВ: Мы живем, под собою не чуя страны...

ОНИ ВТОРЯТ ЭХОМ ДРУГ ДРУГУ, ИХ ГОЛОСА ЕДВА ШЕЛЕСТЯТ ПРИ ТРЕСКЕ ОГНЯ В ПЕЧИ И ЗАВЫВАНИИ СНЕЖНОЙ МЕТЕЛИ ЗА ОКНОМ. БУМАГА ГАСНЕТ, ТЛЕЯ, И КЕРОСИНКА ЗАТУХАЕТ. СТАНОВИТСЯ СОВСЕМ ТЕМНО - ЛИШЬ ТУСКЛЫЙ СИНИЙ СВЕТ ИЗ ОКНА ДА КРАСНЫЙ ОГОНЕК В ПЕЧИ ГОРЯТ ПЯТНАМИ ПО ОБОИМ СТОРОНАМ СЦЕНЫ. В ТЕМНОТЕ ЗВУЧИТ ГОЛОС АХМЕТА:

БАЙТУРСЫНОВ: Никого из нас не спасти.

ЗА ОКНОМ НЕИСТОВО ЗАЛАЯЛИ И ЗАВЫЛИ ЛАГЕРНЫЕ ПСЫ, А ПОТОМ СНОВА ЗАМОЛКЛИ. МЕТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ НАДРЫВАТЬСЯ, И ЗВУЧИТ В ТЕМНОТЕ ТРЕВОЖНАЯ, ПРОНЗИТЕЛЬНАЯ МУЗЫКА.

СНОВА ЗАГОРАЕТСЯ КЕРОСИНКА. ПОСРЕДИ КОМНАТЫ НА ТАБУРЕТАХ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА СИДЯТ ПЕШКОВА И БАЙТУРСЫНОВ. ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА УЖЕ ПЛОТНО ЗАСТЕГНУТА В ТУЛУП, У ЕЕ НОГ ЛЕЖИТ СОБРАННЫЙ ВЕЩМЕШОК. НА

ПЛЕЧИ АХМЕТА НАКИНУТО ДЫРЯВОЕ
ПОКРЫВАЛО. ЭТО - ПРОЩАНИЕ. ПЕШКОВА БЕРЕТ
РУКИ АХМЕТА В СВОИ РУКИ.

ПЕШКОВА: Ахмет. Так толком и не поговорили.

БАЙТУРСЫНОВ: Так и не поговорили, Екатерина Павловна.

ПЕШКОВА: Мне тоже не спастись, товарищ Байтурсынов.

БАЙТУРСЫНОВ: Где-то там... Возможно где-то там мы с вами спасемся.

ПЕШКОВА: Где-то там. Да. Но где? В бога я не верю...

БАЙТУРСЫНОВ: Можете не верить, но где-то там нас ждут наши дети. Мои Аумат, Казихан. Ваш Максим.

ПЕШКОВА: Да, мой Максим. Он ждет... Ждет...

НЕ ВЫДЕРЖАВ, ПЕШКОВА ВЫТИРАЕТ СЛЕЗУ С
ЩЕКИ. ОНА ОТКРЫВАЕТ КОРОБКУ И
ВЫТАСКИВАЕТ ПАРУ ПАПИРОС, ОДНУ ОТДАЕТ
АХМЕТУ. ОНИ ЗАКУРИВАЮТ. ДЫМ.
РАСПАХИВАЕТСЯ ДВЕРЬ, И СНОВА ВОЗНИКАЕТ
ОГРОМНАЯ ТЕНЬ КОМЕНДАНТА. ЗВУЧИТ ЕГО
ГРОЗНЫЙ ГОЛОС:

КОМЕНДАНТ: Осужденный Байтурсынов! Встать! Соблюдайте дистанцию!

АХМЕТ РЕЗКО, НАСКОЛЬКО ПОЗВОЛЯЕТ ЕГО
ГРУЗНОЕ И БОЛЬНОЕ ТЕЛО, ВСКАКИВАЕТ,
ОПРОКИНУВ ТАБУРЕТКУ, ОТБЕГАЕТ И
СТАНОВИТСЯ У СТОЛА, ВЫТЯНУВ РУКИ ПО
ШВАМ. ПЕШКОВА МЕДЛЕННО ПОДНИМАЕТСЯ
НА НОГИ, С ЖАЛОСТЬЮ ГЛЯДЯ НА
БАЙТУРСЫНОВА.

КОМЕНДАНТ: Поедемте, Екатерина Павловна! Надо к поезду успеть.

ТЕНЬ КОМЕНДАНТА УМЕНЬШАЕТСЯ И
ИСЧЕЗАЕТ. ПЕШКОВА СМОТРИТ НА
СМУЩЕННОГО ОТ СОБСТВЕННОГО СТРАХА
АХМЕТА.

ПЕШКОВА: Я оставлю чайник. Вам нужнее.

АХМЕТ СЛЕГКА КИВАЕТ. ПЕШКОВА НАДЕВАЕТ
ШАПКУ, БЕРЕТ ВЕЩМЕШОК И, ЧУТЬ
ЗАМЕШКАВШИСЬ, ИДЕТ К ДВЕРИ.

БАЙТУРСЫНОВ: В одном наша надежда, Екатерина Павловна. Иначе не выдержать всего этого.

ПЕШКОВА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ В ДВЕРЯХ.

БАЙТУРСЫНОВ: Нас здесь нет. И никогда не было.

ПЕШКОВА: Да. Никогда. Нас никогда здесь не было. Никогда, Ахмет.

ОНА ВЫХОДИТ НА УЛИЦУ, ЗАБЫВ ЗАКРЫТЬ ЗА СОБОЙ ДВЕРЬ. ДВЕРЬ ХОДИТ ТУДА-СЮДА ОТ СТУДЕНОГО ВЕТРА С УЛИЦЫ. ЗА ОКНОМ МЕЛЬКАЮТ ФАРЫ УЕЗЖАЮЩЕЙ МАШИНЫ. АХМЕТ ПО-ПРЕЖНЕМУ СТОИТ У СТОЛА. С ПЕЧИ РАЗДАЕТСЯ ХРИПЛЫЙ ГОЛОС БАБЫ ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА: Поспи, Ахметик, поспи, дорогой, нет в ногах правды. Поспи. Одно нам, старым, уготовано - спать побольше да помереть попозже. Поспи, Ахметик, поспи.

ХЛОПАЕТ ДВЕРЬ, ЗАВЫВАЕТ МЕТЕЛЬ, ЛАЮТ СОБАКИ, ЗВУЧИТ ПЕЧАЛЬНАЯ МУЗЫКА. И СТОИТ ОДИНОКАЯ ФИГУРА АХМЕТА БАЙТУРСЫНОВА. И ЗВУЧАТ ЕГО СТИХИ:

Мы в утлой, старой, ветхой лодке

Сидим без весел, без ветрил.

Дёрем мы, споря, свои глотки,

Плывем... А сумрак путь затмил.

Плывем туда, куда нас волны,

Как щепку могут отнести.

Одни проклятия и стоны

Никак не смогут нас спасти

И до судьбы такой плачевной

Мы не сегодня добрались,

Уже давно, единство предав,

Мы по лачугам разбрелись.

Сшибаясь, грызлись мы друг с другом,

Считали сена каждый стог...

Устав терпеть вражду и ругань,

Другим угоды отдал Бог.

Вот тут-то мы и прослезились:

“Пристать бы к берегу, вот-вот...”

Но с мыслью многие смирились:

“Что отнял Бог, то Бог вернет”.

ЗАНАВЕС. КОНЕЦ СПЕКТАКЛЯ.

© N.T. december 2023